

Каникулы в мезозое

КОСТЬ-ЯЩЕР

Деревня как деревня. Магазин, мост через речку, три десятка избушек. Кругом холмы, леса, поля, луга. Над всем этим сельским хозяйством — широко распахнутое синее небо, набитое, как подушка пухом, кудрявыми облаками. Такие безмятежные облака, должно быть, проплывали здесь и в мезозойскую эру.

Я показал фотографию друзьям. Друзья покали плечами. Тогда я сообщил, как называется деревня, запечатленная на снимке. И будто послышался голодный рёв тарбозавра, и словно диплодок, бредущий против речного течения, поднял веер брызг ударом могучего хвоста, и раздался всамделишный треск деревьев, в кронах которых игуанодоны отыскивали побеги посочнее.

С мезозоя-то всё и началось. Учительница биологии предложила создать школьный палеонтологический музей. Четвёртый «а» тут же струнным монорельсом умчался в Якутию, в надежде отыскать в вечной мерзлоте бивень ма-

мента. Сводная команда пяти- и шести-классников рванула метроракетой на Алтай, чтобы в тамошних пещерах раскопать клык пещерного медведя.

А моя сенсационная идея родилась случайно. Я рассматривал в интернете забавные картинки и наткнулся на фотографию деревни Кость-Ящер. Вы когда-нибудь слышали про такую деревню? Ни в одном туристическом путеводителе она не упомянута. Это вам не Якутские мамонтовые месторождения и не пустыня Гоби, где палеонтологи кишили кишат и каждую неделю открывают какого-нибудь нового вымершего «завра». Но только в местности малоизведанной, туристами совершенно не посещаемой можно отыскать для музея действительно ценные экспонаты. А то и совершить научное открытие.

— Где это? — поинтересовалась учительница географии, когда увидела фотоснимок.

— Ближайшая цивилизованная точка — райцентр Карагай, — ответил я, полистав географический атлас.

— Селение знаменитое! — тут же воодушевилась географичка. — А кто мне ответит, что общего между Карагаем и Венецией?

— Каникулы уже начались, — намекнула Тася Новгородцева.

— Процесс познания не предусматривает каникул, — отвергла намёки учительница. Оказывается, карагаями назывались могучие пермские лиственницы. С особенной, почти не поддающейся гниению древесиной. Вот на сваях из карагаев и были построены все архитектурные достопримечательности города, вырастающего из Адриатического моря.

Лучшая в классе филология Мила Боринских утверждала, что ни кости, ни ящеры тут ни при чём. Название деревенъки происходит от древних коми-пермяцких слов «шор», что значит